

Жерар ДЕПАРДЬЕ, актер:

Только сильный мужчина может быть по-настоящему нежным

Известия 2003-21 мая с. 14.

Жерар ДЕПАРДЬЕ приехал в Петербург, чтобы открыть на Сенной площади Башню Мира (это аляповатое сооружение петербургская общественность не снесла исключительно благодаря французской кинозвезде), представить новый фильм со своим участием и встретиться со студентами Петербургского университета на коллоквиуме «Диалог Санкт-Петербург — Париж: от Дидро до наших дней». На встрече актер много шутил, играл в супермена и очаровывал аудиторию ожидаемым грубоватым обаянием. По окончании публичных встреч уединился в модном питерском ресторанчике «Зов Ильича», где с удовольствием надел пионерский галстук и прикрепил к лацкану пиджака пионерский значок. Однако, даже расслабившись после многотрудного дня и в предвкушении долгого вечера, Депардьё сдержал слово и пообщался с корреспондентом «Известий» Юлией КАНТОР.

— Вы читали в Петербургском университете Достоевского, Блока, Дюма и Пушкина. Сами выбирали писателей и произведения?

— Единственный, кого я выбрал сам, — Достоевский. Для меня это было непреложно. Остальных мне предложили организаторы встречи. Разве я не прав? Разве можно представить Петербург без Пушкина, а потом другую эпоху этого города — без Блока? По-моему, получилось неплохо. А вот Дюма, его текст о посещении Петербурга, я не знал. Представляете?! Чудесно, что мне его нашли.

— Вы в первый раз приехали в Петербург. Каковы впечатления?

— Пока отрывочные и в основном сугубо эмоциональные. Я видел грацию линий и какую-то всеобщую стройность пейзажа, интересную цветовую гамму. И людей, которые совсем не похожи на тех, кто живет в Москве. Я понял, почему это так: здесь, в Петербурге, другая культура, а значит, и образ мышления другой. Здесь был Достоевский, здесь рядом его квартира и рядом же его герои. Я думаю, что ваш город более, чем Москва, связан с энергетикой исторического пространства.

— Кого из персонажей русской классики вы хотели бы сыграть?

— О, я думал об этом. Наверное, многих героев Достоевского

— Карамазовых, например, Дмитрия или Ивана. А может быть, Раскольникова. Я обожаю Достоевского. Я не думаю, что его герои ушли в прошлое, ведь великие писатели создают портреты архетипов. Мы все повторяем исторические сюжеты в меру собственных возможностей и по воле случая. Разве что любовь и умение смеяться у каждого из нас свои. Вот потому я так люблю комедию.

— А почему вы так увлечены Достоевским?

— Это только ощущения, которые трудно передать. Мне кажется, он писал о русских так, как Балзак о французах. Это правда с погружением в психологические ямы, с анализом странных и страшных пластов. У Толстого, скажем, совсем по-другому: его герои более честлюбивы, что ли. Я не ощущаю у Толстого подобного погружения. Хотя, конечно, это все очень субъективно.

— К вопросу о погружении. Достоевский исследовал заповедность и зло, порожденное ею. Тем же, если говорить о французской литературе, помимо Балзака занимались Стендаль и позже Бодлер и Камю. Вас привлекает искусство, занимающееся препарированием психики?

— Любое искусство — препарирование психики. Мы в большин-

стве своем живем ниже уровня реальности — в том смысле, что не можем ее оценить, рассмотреть всю. Это дано лишь великим художникам, только они могут «прорисовать» эту реальность для большинства, зафиксировать пульсации времени. Опять же о Достоевском — из «Идиота» и «Карамазовых» я очень много вынес. Я понял, что такое безумие убеждений.

— Нашим странам пришлось пожинать плоды безумия убеждений — революций. Каковы их уроки?

— Главный урок — терпимость. Общество не может идти вперед, если оно нетолерантно. Мне горько, что у нас во Франции довольно много людей разделяют позиции Ле Пена. Надеюсь, эта аномалия пройдет. Мне неприятен любой экстремизм. Я наблюдаю, как Россия выходит из прошлого, время, когда вас принижала коммунистическая власть, уходит. Это очевидно. Россия возвращается к самой себе... А последние коммунисты — американцы. (Улыбается.)

— Вы имеете в виду недавние события в Ираке?

— А как вы думаете? Мне импонирует то сопротивление, которое мы демонстрируем, не принимая эту ужасную войну.

— Принято считать, что русские и французы похожи друг на друга. Вы согласны?

— Да. Я уверен, что провинциальная Франция похожа на российскую глубинку. Что вы улыбаетесь? Я родом из настоящей провинции, и я знаю тамошних людей. Думаю, что у них те же мысли и те же занятия, что у россиян. Ну, разве что к женщине у нас относятся с большим уважением, нежели в России.

— Что важнее в мужчине — сила или нежность?

— Я думаю — сила, потому что она порождает нежность. Только сильный мужчина может быть по-настоящему нежным.

Санкт-Петербург

Жерар Депардьё знает толк в женщинах